

ИСТОРИИ И ЛЕГЕНДЫ МАРИУПОЛЬСКОГО НЕКРОПОЛЯ

В статье одного из номеров «Приазовского рабочего» за 1991 год указано, что на территории нашего города 6 открытых и 15 закрытых кладбищ, но менее чем за 20 лет произошли колоссальные изменения. С 1 августа 2008 года было закрыто левобережное Троицкое кладбище; новые захоронения производятся только на Старокрымском кладбище, которое – единственное в городе – соответствует нормативам, заложенным в современном законодательстве (в частности, по удаленности от жилых объектов) [5].

Какова же, в общих чертах, история первых мариупольских кладбищ? С. Буров упоминает «старое кладбище над обрывом», от которого начиналась Малая Садовая улица; сейчас это место знакомо как крутой спуск от улицы Греческой в сторону железнодорожного вокзала [1, с. 102-103]. Из книги «Мариуполь и его окрестности», изданной в 1892 году, нам известно, что старые кладбища нашего города располагались на Магдалиновском спуске (за южной частью улицы Греческой) и на Александровской площади (ныне – Театральная площадь). В конце XIX века хоронили на двух других кладбищах: одно было открыто в 1832 году для христиан за Клиновым оврагом (сейчас это кладбище называют старым городским, или новоселовским), а другое – в 1867 году для евреев за Подгорным оврагом (Правый берег). В этой же книге мы встречаем и такие строки: «При продолжении Магдалиновского спуска разрыли некоторые могилы, по словам старожилов, не греческие, и нашли в одной бутылку с вином. По мнению стариков и по виду бутылки, находке далеко за сто лет. Бутылка хранится в городской управе с надписью, из которой видно, что она найдена 10 мая 1883 года и что красное вино по вкусу превратилось в бальзам» [4, с. 87]. Фраза эта, на первый взгляд, кажется несколько бездуховной. Но не стоит забывать, что в конце XIX века религиозная сторона жизни имела для людей не меньшее значение, чем сейчас, и маловероятно, что наука могла быть поставлена превыше почитания предков.

Кладбище на Новоселовке – самое старое из сохранившихся – неоднократно привлекало внимание краеведов. Об этом удивительном уголке Мариуполя, расположенном за Мултыховым (Клиновым) оврагом, писала Р. И. Саенко [8]; упоминания о нем находим и в очерке С. Бурува, посвященном Митрополитской улице (автор указывает, что это место называли Матесов хутор) [1, с. 43]. Истории отдельных захоронений переданы в статьях Л. Яруцкого [10], А. Проценко [6; 7, с. 65], Д. Янатъева [9], П. Мазура [3]. Но много еще тайн и легенд хранит эта часть Мариуполя. Если верить одной из них, те, кто решается зимним вечером сократить путь через Новоселовку и пробежать по центральной аллее кладбища, могут увидеть за спиной четкий силуэт мужчины и собаку, бегущую по обочине. В этом не было бы ничего странного, если бы на снегу оставались их следы... Может быть, кто-то отчаянно пытается напомнить о себе?

Мы привыкли встречать в работах краеведов десятки фамилий тех, кто оставил свой след в истории Мариуполя. Но что представляла собой жизнь остальных жителей? Их истории не имеют большого значения, или их еще предстоит разгадать? Нередко задуматься над этим заставляют надписи на могильных плитах.

«Здѣсь покоится тѣло производителя портовыхъ работъ, инженера путей сообщения Николая Константиновича Плясова. Умеръ 11 ноября 1886 г.». Упомянув об этом захоронении новоселовского кладбища как об одном из древнейших, Д. Янатъев отмечал, что «инженер Плясов умер в тот год, когда началось строительство нового Мариупольского морского порта» [9]. На надгробиях довольно часто указывали род занятий погребенного: это служило своего рода доказательством того, что человек был мастером своего дела. Не исключено,

что Н. К. Плясов прибыл в Мариуполь именно для того, чтобы принять участие в проектировании и строительстве порта. Успел ли он что-то сделать для нашего города?.. Многим мариупольцам известна деятельность Василия Леонтьевича Кечеджи-Шаповалова. В книге «Улицами старого Мариуполя» А. Проценко упоминает о том, что В. Л. Кечеджи-Шаповалов умер 26 ноября 1897 года в Берлине, где и был похоронен [7, с. 29]. Однако, фамилия эта встречается и на нашем старом кладбище. Если вы обратите внимание на разрушенные надгробия, скрывшиеся под ажурным куполом, то прочтете на одном из них: «Илья Леонтьевичъ Кечеджи-Шаповаловъ. 1852–1909». Родственник? Насколько дальний? Из очерка «Театр в Мариуполе» А. Ф. Петрашевского в книге «Мариуполь и его окрестности» 1892 года издания: «Последняя антреприза И. Л. Шаповалова (брата В. Л. Шаповалова) при недурном составе труппы не имела успеха» [4, с. 296]. Не исключено, что здесь и похоронен родной брат основателя первого в Мариуполе стационарного театра.

Надгробные плиты Н. К. Плясова и И.Л. Кечеджи-Шаповалова практически незаметны среди других заброшенных могил, но есть на старом кладбище и более значительные памятники. Так, свернув налево сразу за центральным входом, вы выйдете к семейному захоронению со старой ажурной оградой, крышей, восстановленной несколько лет назад, и указанной над входом фамилией: Найденовы. За решеткой – два памятника, сохранившие следы дореволюционной орфографии. На белом – надпись: «Здѣсь покоится прахъ Парасковій Найденовой Рязанской губернии села Ижевской родившейся 17-го октября 1832 года волею Божеею скончавшейся 18 апрѣля 1880 г.» и эпитафия, отразившая скорбь мужа и дочери:

Надгробие П. Найдёновой

«К тебѣ на могилу
Мама! Прихожу
Сердечной молитвой
Я Бога прошу
Вѣчній упокой
Мами дорогой»

«До гроба мнѣ
Тебя не забыть
Милая супруга!
Мирно почивай
И вернаго друга
К себѣ ожидай»

Второй памятник, черный, появился спустя 27 лет: «Здѣсь покоится прахъ раба божія Ивана Ивановича Найденова, родившагося 26 сентября 1831 г. скончавшагося 12 декабря 1907 г. на 76 году отъ рождения. Горячо любимому отцу от неутѣшной дочери».

В современной краеведческой литературе фамилия Найденова практически не встречается. Но если допустить, что качество и состояние надгробий свидетельствует как о материальном достатке, так и об отношении к погребенному современников, то встает вопрос об особенностях деятельности того или иного человека. Неужели в период расцвета благотворительности, все, что сделал И. И. Найденов – предоставил в аренду помещение для одного из мариупольских клубов? Этот вопрос и заставил меня обратиться к уже упомянутой книге «Мариуполь и его окрестности», изданной в 1892 году.

Иван Иванович Найденов – яркий представитель купеческого сословия Мариуполя второй половины XIX века. В доме И. Найденова на Екатерининской улице (ныне проспект Ленина) в конце XIX века помещался один из так называемых клубов – «Мариупольское общественное собрание»; оплата за помещение составляла 1000 рублей. в год [4, с. 282]. Кроме того, с 1888 года Иван Иванович был по-

Надгробие И.И. Найдёнова

печителем Слободского училища. К 1890 году И. И. Найденов выстроил и подарил Слободскому училищу «прекрасное школьное здание», которое обошлось ему в 6000 рублей. Он же пожертвовал здание для народного училища 4-го разряда в районе мариупольского порта, которое планировалось открыть в 1892 / 93 учебному году [4, с. 216].

С этим же захоронением связана и одна из кладбищенских легенд. По словам старожилов, дочь И. И. Найденова была похоронена в семейном склепе, под памятниками отцу и матери. По традиции, ее как незамужнюю девушку погребли в подвенечном наряде. Так как девушка происходила из обеспеченной семьи, нашлись люди, которые решились спустя какое-то время разgrabить захоронение. Местные жители, прибежав на их крики, увидели нетленное тело, которое рассыпалось пеплом, стоило только до него дотронуться; лишь белоснежное платье и венок напоминали о происшедшем.

Часовня на месте захоронения купца Д.Д. Пиличева

Чуть дальше склепа Найденовых сохранились развалины часовенки: стены с колоннами, идеальное круглое отверстие над головой и остатки небольшого креста, вероятно, упавшего когда-то с деревянного купола. По словам старожилов, часовня была разрушена еще до Великой Отечественной войны. Разумеется, это семейное захоронение не стоит путать с разрушенной кладбищенской церковью: краеведы неоднократно отмечали, что церковь находилась в другом месте, да и постройка совершенно другая. По словам С. Д. Бурова, здесь расположено захоронение купца и домовладельца Пиличева [2].

...Напомним, что некрополистика – наука многогранная. Она уделяет внимание не только

биографическим данным тех, кто был захоронен на определенной территории, но и особенностям самих погребений. В частности, определенный интерес представляет описание надгробий, возраст которых превышает 70–100 лет. Не углубляясь в историю мастерских по изготовлению могильных памятников, отметим лишь несколько встретившихся фактов. На нижнем блоке одного из старых надгробий, на полированной красной гранитной поверхности сохранилась незначительная по своим размерам надпись, которая напоминает скорее обозначение торговой марки: «Тромбетта. Мариуполь». А в экспозиции Мариупольского краеведческого музея представлено объявление, напечатанное в газете «Мариупольская жизнь», из которого можно узнать, что «фабрика гидравлически прессованных паркетных плиток и искусственных камней О.Г. Шенвельдера» предлагала, в частности, «надгробные памятники, пирамиды и доски из натурального мрамора лабрадора, красного и серого полированного гранита»; фабрика находилась «в Мариуполе, Екатеринославской губернии» и была основана в 1898 году. Может быть, настолько пространственный адрес свидетельствовал о популярности фабрики и за пределами нашей губернии.

Всюду, где живут люди, есть кладбища. У них своя жизнь – тихая, размеренная. Но в периоды жизненных потрясений традиционный уклад рушится, меняется общественное сознание. Связь поколений ослабевает, потомки перестают посещать могилы, – и кладбища умирают. Такие кладбища можно назвать историческими.

Наше кладбище прячется от городской суеты среди густых зарослей, задыхается под многочисленными свалками, и, тем не менее, продолжает жить. Ухоженные могилы, свежие венки... Оно еще не стало «историческим», но скрывает важную часть истории нашего города, то прошлое, по отношению к которому о нас, возможно, будут судить в будущем.

Можно сокрушаться над тем, что свалки не убираются, что нет средств на восстановление исторически ценных памятников... А можно сходить на могилу прабабушки, о которой от родителей слышал, да времени на поиски в поминальный день не было; убрать и вынести

мусор за территорию кладбища. Можно, случайно прочитав фамилию на надгробии конца XIX – начала XX века, попытаться выяснить, какую роль сыграл этот человек в истории нашего города. Не случайно сейчас возрастает интерес к генеалогии и некрополистике. Сохранить пусть не памятник, но память – на это способен каждый из нас.

Использованные источники

1. Буров С. Мариуполь. Былое – Мариуполь: ЗАО «Газета "Приазовский рабочий"», 2003. – 468 с.
2. Зубенко С. Некрополь – историческая ценность // Мариупольское время. – 2008. – 24 июля (№43). – С. 4.
3. Мазур П. Мартиролог улицы Кладбищенской. 1932–1933 гг. // Ильичевец. – 2008. – 25 октября. – С. 17.
4. Мариуполь и его окрестности: Отчет об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской гимназии / под ред. Г. И. Тимошевского. – Мариуполь, 1892.
5. Новые захоронения – только на Старокрымском кладбище // Приазовский рабочий. – 2008. – 20 декабря. (№192). – С. 2.
6. Проценко А. Найдена могила почетного гражданина города Александра Хараджаева // Приазовский рабочий. – 2008. – 17 мая (№73). – С. 2.
7. Проценко А. Д. Улицами старого Мариуполя. – 3-е изд., доп. – Мариуполь: Азовье, 2006. – 136 с.
8. Саенко Р. Мариупольские некрополи и мемориалы // 7я. – 2004. – 14-20 апреля (№15). – С. 3.
9. Янатьев Д. О чем рассказало старое мариупольское кладбище... // Азовсталец. – 2003. – 2 мая. – С. 4.
10. Яруцкий Л. „Ни приметы, ни следа”: Вдова Бориса Савинкова жила и умерла в Мариуполе // Приазовский рабочий. – 2008. – 17 мая (№73). – С. 2.

Елена Смирнова

ЗДАНИЕ ЛИКЁРОВОДОЧНОГО ЗАВОДА – ОДНО ИЗ СТАРЕЙШИХ В МАРИУПОЛЕ

Нередко история дореволюционного Мариуполя скрывается за неповторимыми сочетаниями полуразрушенных фасадов, пристроек в стиле «евро» и рекламных щитов, не привлекая к себе внимания прохожих. Как часто мы задумываемся над тем, каким из сохранившихся зданий более ста лет?

Недавно часть проспекта Ленина между подземным переходом и Театральной площадью украшало трехэтажное здание, построенное (не верится!) для технических нужд. Оно сохранилось и в наши дни, но плачевное состояние фасада не позволяет говорить об «украшении» города.

Старые фотографии помогают восстановить первоначальный облик здания: многочисленные арочки, ажурная кирпичная кладка. Заглянув в иллюстрированный архитектурный словарь, можно определить, из каких отдельных элементов, словно мозаика, складывается орнамент на стенах [14]. Над окнами – «сегментные» арки с «замками» в вершине свода. Западная и центральная части здания украшены рядами направленных вниз зубчиков; в древнерусской архитектуре они назывались «сухариками», в западных стилях, например, барокко, – «дентикулами». Возвышение в восточной части венчается двойной полукруглой аркой с почти незаметной теперь короной. Арка опирается на небольшие остроконечные ниши; в стороны от них разбегается ряд углублений с полукруглыми сводами. Присмотревшись, вы непременно заметите, что в тени некоторых из них прячутся окошки. Подобные отверстия располагались в верхних частях средневековых стен и башен и имели оборонительное значение. Позже такие элементы стали использовать как архитектурный декор и называть «маши-